ЗАПИСКА

МИНИСТРА ДВОРА И УДѢЛОВЪ

ГРАФА ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА

ОБЪ УНИЧТОЖЕНІИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ

И

Возраженіе на нее Министра Внутреннихъ Дѣлъ

И. Н. ДУРНОВО

Изданіе
М. К. ЭЛПИДИНА

CAROUGE (GENÈVE)
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
1894.

3956
24.

ЗАПИСКА МИНИСТРА ДВОРА И УДѢЛОВЪ,

Графа ВОРОНЦЕВА-ДАШКОВА,

ОБЪ УНИЧТОЖЕНІИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ И ВОЗРАЖЕНІЕ НА НЕЕ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

И. Н. ДУРНОВО.

Въ началѣ текущаго года въ нѣкоторыхъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ сообщалось какъ слухъ, о внесеніи въ Государственный Совѣтъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ проекта закона, имѣющаго въ виду ограниченіе крестьянскихъ земельныхъ передѣловъ 12-ти лѣтнимъ срокомъ и другія преобразованія въ средѣ крестьянскихъ мірскихъ отношеній; а нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ Сѣверномъ Вѣстникѣ (кн. за сентябрь) помѣщена была статья Субботина, содержащая обстоятельный разборъ предполагаемаго преобразованія. Дальнѣйшая судьба и подробности въ развитіи

этого проекта остаются до сихъ поръ для русской читающей публики административной тайной, неудобства которой вообще уже не разъ сказывались на русской жизни, принимая образъ канцелярскихъ реформъ, выработанныхъ подъ давленіемъ единоличныхъ взглядовъ и случайныхъ административныхъ вліяній — реформъ, навязанныхъ населенію наперекоръ господствующимъ общественнымъ взглядамъ и потребностямъ. Предлагаемый нами вниманію русскихъ читателей документъ до нѣкоторой степени восполняетъ этотъ недостатокъ по отношенію къ указываемому вопросу. Исторія его вкратцѣ слѣдующая: выработанный въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ проэктъ былъ сообщенъ представителямъ другихъ министерствъ для отзыва. Министръ Двора и Удѣловъ, графъ Воронцевъ-Дашковъ, не довольствуясь простымъ отзывомъ, написалъ свой контръ-проектъ, въ которомъ настаиваетъ на уничтоженіи крестьянской общины и указываетъ на необходимыя къ тому мѣры. Къ этому контръ-проекту приложены нами возраженія, сдѣланныя на него министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Принимая въ соображеніе правительственное вліяніе графа Воронцова-Дашкова, вслѣдствіе близости его къ Государю, и распространенность его взглядовъ на общину, въ наиболѣе близкихъ къ правительству сферахъ, мы, пользуясь счастливою случайностью, доставившею въ наши руки обѣ записки, печатаемъ ихъ дословную копію.

ОТЗЫВЪ МИНИСТРА ИМПЕРАТОРСКАГО ДВОРА и УДѢЛОВЪ,

30 Января 1893 г. № 123.

16- Ноября 1892 года за № 13670 Ваше П—ство препроводили мнѣ записку, относящуюся къ проэкту правилъ о земельныхъ передѣлахъ.

Разсмотрѣвъ эту записку, я не могу не сочувствовать намѣченной Вами цѣли — упорядоченію нашего крестьянскаго земледѣлія. Вопросъ этотъ настолько уже назрѣлъ и даже, можно сказать, наболѣлъ, что вполнѣ настало время помочь этому дѣлу и усиліями правительства стать лицомъ къ лицу съ этою бѣдою. Не могу, однако, при этомъ не высказать нѣкотораго моего разномыслія съ тѣми положеніями записки, которыя обусловливаютъ основанія и выводы изъ нихъ — причины и послѣдствія, — а въ зависимости отъ этого, и тѣ мѣры, которыя проэктируются для устраненія зла.

Мнѣнію правительственныхъ лицъ и учрежденій о вре-

дѣ, который наноситъ общинное владѣніе землею экономическому благосостоянію крестьянъ, записка противопоставляетъ другія мнѣнія, которыя я не раздѣляю. Сторонники общиннаго владѣнія землею въ настоящемъ его видѣ, какъ главное основаніе къ защитѣ его, выдвигаютъ всегда укоренившуюся къ нему привычку крестьянскаго населенія; смотрятъ на него какъ на существенную бытовую особенность нашего отечества и какъ на средство, предохраняющее отъ развитія безземельнаго пролетаріата; видятъ въ немъ историческое право населенія и вѣками сложившійся строй народной жизни. Такія основанія мнѣ представляются, до нѣкоторой степени, произвольными. Вкратцѣ исторія общины въ Россіи слѣдующая: Въ этой исторіи ясно очерчиваются пять періодовъ: I-ый, Община при заселеніи огромныхъ пространствъ Россіи, вызванная необходимостью самозащиты. Какъ собственникъ земельный, община въ этотъ періодъ значенія не имѣла, она въ этомъ смыслѣ была не нужна: просторъ, обиліе земель и угодій, готовыхъ къ услугамъ каждаго отдѣльнаго члена общины, отстраняли надобность руководить способами пользованія землею — ее хватало на всѣхъ и на всѣ надобности. Во II-мъ періодѣ община, становившаяся подъ защиту крупнаго землевладѣнія до Бориса Годунова и Юрьева дня. За этотъ періодъ шатанья и перехода отъ одного владѣльца къ другому собственникомъ земли община, очевидно, быть не могла. Въ III-мъ періодѣ община является прикрѣпощенною къ владѣльческой землѣ при личной свободѣ отдѣльныхъ ея членовъ и земельнымъ собственникомъ тоже не является. Періодъ этотъ заканчивается царствованіемъ Петра Великаго, когда указъ этого государя дѣлаетъ отвѣтственнымъ за исправное поступленіе податей и отбываніе другихъ повинностей не крестьянство, а

его фактическихъ владѣльцевъ — помѣщиковъ. Этотъ указъ порождаетъ крѣпостное право и вводитъ общину въ IV-й періодъ ея жизни, заканчивающійся освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, съ котораго начинается V-й современный періодъ жизни общины. Если отбросить понятіе объ общинномъ владѣніи землей, въ смыслѣ начала всякой общественной жизни, черезъ которое прошли всѣ народности и всѣ государства, и которое, въ силу этого, не можетъ служить бытовою особенностью ни одного изъ нихъ, то можно признать, что община, какъ землевладѣлецъ, является всецѣло результатомъ одной изъ ряда капитальныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, создавшихъ эпоху въ жизни Россіи.

Въ 60-хъ годахъ въ основу общины клали упомянутыя выше мысли, какъ это и теперь дѣлаютъ, защищая ее; это вѣрно, но не думаю, чтобы въ то время, какъ и теперь, мысли эти могли быть вполнѣ обоснованы на исторіи жизни русскаго народа и чтобы общинное землевладѣніе могло быть прямымъ послѣдствіемъ этой жизни. Общинное землевладѣніе и крестьянское самоуправленіе были краеугольными камнями того зданія государственнаго строя Россіи, къ которому въ то время стремились. Это несомнѣнно одна изъ причинъ, почему этотъ краеугольный камень и теперь такъ дорогъ защитникамъ общины. Если можно видѣть въ современной общинѣ историческое послѣдствіе прежней жизни народа, то развѣ въ томъ смыслѣ, что до 61 года крестьянинъ былъ въ крѣпостной зависимости казны, удѣла, помѣщика, а теперь онъ въ крѣпостной зависимости общины. И Богъ вѣсть еще, который изъ этихъ двухъ видовъ крѣпостной зависимости хуже. Менѣе долговѣчнымъ во всякомъ случаѣ будетъ послѣдній; это можно сказать, не будучи пророкомъ. Мнѣ думается,

что вѣка крѣпостной зависимости, въ той или другой формѣ предшествовавшіе реформамъ 1861-го года, нельзя, не дѣлая нѣкоторой натяжки, признать историческою подготовкою къ современному общинному землевладѣнію и крестьянскому самоуправленію. Крестьянинъ, будучи крѣпостнымъ, обществомъ не владалъ землею, онъ самъ бывъ объектомъ владѣнія и, уже по одному этому, ничѣмъ владѣтъ не могъ ни единично, ни въ составѣ той деревни или села, которыхъ онъ былъ членомъ. Онъ жилъ обществомъ — это вѣрно, но никакой собственности ни онъ, ни общество не имѣли и не могли имѣть. Крестьянинъ пользовался той землею, которую давалъ ему владѣлецъ, съ цѣлью поддержать свою платежную и рабочую силу. И пользовался онъ ею не по стольку, по скольку владѣлецъ его находилъ это для себя полезнымъ и нужнымъ. Исключеній я не принимаю во вниманіе. Ради этихъ же цѣлей, ради удобства владѣльца его селили обществами, а не онъ самъ селился такъ. Въ основаніи строя всей его жизни лежало подчиненіе волѣ владѣльца, безразлично, была ли этимъ владѣльцемъ казна, удѣлъ или помѣщикъ. Эта воля и только она одна руководила его дѣятельностью, способами пользованія его имуществомъ, какъ движимымъ, такъ и не движимымъ, даже его семейной жизнью и составомъ его семьи. Очевидно, что его исторической привычкой было быть руководимымъ во всѣхъ проявленіяхъ его жизни, а не руководиться въ нихъ самому. Эта же привычка была и его бытовою особенностью. Объ вѣками сложившемся, какомъ бы то ни было правѣ, онъ понятія не имѣлъ, да и не могъ имѣть, такъ какъ въ дѣйствительности, въ жизни онъ никакихъ правъ не имѣлъ. Жизнь его въ обществахъ, въ цѣляхъ и видахъ владѣльца, конечно, не могла зародить въ немъ понятія объ томъ, что эта-то

жизнь и будетъ впослѣдствіи служить основаніемъ подчинить его этому обществу и въ составѣ этого общества не только руководить самимъ собою, но и своими собратами. Логической послѣдовательностью такой жизни была бы замѣна повелителя — руководителемъ, замѣна произвола надъ нимъ владѣльца — дарованіемъ ему правъ, пользоваться коими ему слѣдовало подъ руководствомъ законной, правительственной власти. Только постепенное воспитаніе его въ уваженіи къ правамъ другихъ и въ умѣньи пользоваться своими собственными правами, въ ясномъ пониманіи того, что законно и что незаконно, что можно и чего нельзя, могли приготовить его къ тому, чтобы стать по праву гражданиномъ земли русской. Община не могла удовлетворить этимъ требованіямъ, сама не имѣя объ нихъ никакого понятія. Время и дѣло показали, что это такъ и случилось. Учрежденіемъ земскихъ начальниковъ правительство ясно доказало, что и оно пришло къ такому заключенію; а мѣры, которыя проэктируются въ присланной мнѣ запискѣ, указываютъ на то, что въ глазахъ правительства, — община, какъ собственникъ, въ умѣніи пользоваться своею собственностью, оказалась не болѣе состоятельной, чѣмъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ на нее возлагались большія надежды. Насколько умѣло хозяйничала община принадлежащею ей землею, указываетъ состояніе крестьянскаго земледѣлія теперь. Но прежде чѣмъ подтвердить это указаніемъ на факты, я не могу не сказать, что общинное владѣніе землею на практикѣ осталось идеею, и какъ стимулъ благосостоянія общественнаго, въ жизненную форму не облеклось. Въ смыслѣ пользованія землею общиною, я не знаю примѣра, гдѣ бы хозяйство общины было направлено къ тому, чтобы и трудъ и эксплуатація земли имѣли цѣлью пользы общины; никогда

не видалъ, чтобы польза общественная клалась въ основаніе тѣхъ способовъ, которыми пользовалась община, хозяйничая надъ своею собственностью — землею. Даже тѣ заботы, которыя вмѣнены закономъ въ обязанность обществу, какъ призрѣніе престарѣлыхъ, больныхъ, одинокихъ и неспособныхъ къ труду, большею частью вовсе не исполняются общиною. Всякій, кто стоялъ близко къ деревнѣ, знаетъ это твердо. Въ дѣйствительности всякій членъ общества предоставленъ былъ обществомъ самому себѣ, своимъ силамъ, своей судьбѣ. По какой бы наклонной плоскости ни шелъ къ разоренію одинъ изъ членовъ общины, хоть бы по своему поведенію самый достойный, община всегда оставалась къ нему вполнѣ безучастною и ничѣмъ ему на помощь не приходила. Не направляя плохо одаренныхъ, не помогая приходящимъ въ бѣдность, предоставляя самимъ себѣ разорившихся и нуждающихся въ призрѣніи, община становила своихъ сочленовъ по отношенію къ землепользованію, въ такія условія, при которыхъ хозяйничать нельзя, и такимъ образомъ мѣшала возростанію благосостоянія тѣхъ своихъ сочленовъ, которые по своимъ природнымъ дарованіямъ могли бы стать хозяевами и жить обезпеченно. Къ чему свелось теперь пользованіе землею каждымъ отдѣльнымъ членомъ общества и въ какихъ условіяхъ приходится хозяйничать даже самымъ даровитымъ изъ нихъ?

Ни одинъ изъ членовъ общества не знаетъ, какимъ количествомъ земли онъ будетъ пользоваться завтра; ни одинъ изъ нихъ не можетъ сказать съ увѣренностью, будетъ ли онъ пахать завтра землю тамъ, гдѣ онъ ее сегодня пахалъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ земля, находящаяся въ пользованіи каждаго отдѣльнаго члена общества, разбита на безконечное число полосокъ, часто

до такой степени узкихъ, что не только болѣе культурнымъ орудіемъ, но и сохою почти невозможно ихъ обработать, не вредя сосѣду; борона, работая на такой полоскѣ, неминуемо попадаетъ на землю сосѣда, зачастую въ такое время, когда это можетъ только вредить ему; сѣмена одного хозяина при разбрасываніи ихъ попадаютъ на землю другого, засѣянную совсѣмъ другимъ хлѣбомъ. Эти безчисленныя полоски земли отстоятъ отъ усадьбы хозяина и другъ отъ друга иногда на десятки верстъ. Всякое частное лицо, не прикрѣпощенное къ такому владѣнію, конечно, убѣжало бы отъ него. Крестьянинъ же, — главная матеріальная платежная сила государства, и крестьянское землевладѣніе находятся именно въ такихъ условіяхъ. Сторонники общины со всѣмъ этимъ мирятся „во имя сохраненія общины, ея вѣками сложившагося права и укоренившейся къ нему привычки населенія“. Въ чемъ же на дѣлѣ выразилась эта привычка, если всѣ усилія общины, всѣ цѣликомъ направлены къ тому, чтобы отъ общиннаго владѣнія отойти, уйти отъ отвѣтственности другъ за друга, уклониться отъ помощи и содѣйствія другъ другу и сдѣлать каждаго изъ своихъ сочленовъ отвѣтственнымъ самому за себя, а въ его хозяйствѣ поставить его особо отъ общины, создать изъ него самостоятельнаго землевладѣльца? Въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлена община закономъ, онъ къ своимъ стремленіямъ подойти не можетъ и, разрушая на дѣлѣ идею общиннаго землевладѣнія, ставитъ каждаго изъ своихъ членовъ, въ отдѣльности взятаго, въ такія условія, въ которыхъ вообще никакое хозяйство, никакая культура не мыслимы. Каждый отдѣльный хозяинъ вынужденъ эксплуатировать своего собрата, чтобы самому быть въ состояніи стать въ условія, сколько-нибудь возможныя для землевладѣнія. Онъ не только не

придетъ на помощь сосѣду, когда хозяйство того падаетъ, но изъ чувства самосохраненія долженъ этому радоваться, онъ караулитъ эту сосѣднюю полоску, чтобы тѣмъ-ли другимъ-ли способомъ присоединить къ своей и тѣмъ поставить себя въ болѣе сносныя условія хозяйства, а изъ своего собрата, сосѣда, сдѣлать своего батрака. Кулаки земельные въ значительной мѣрѣ суть явленія, вызванные самою общиною, тѣми условіями, въ которыя она ставитъ для хозяйничанья, каждаго отдѣльнаго изъ своихъ членовъ. Тѣ изъ членовъ общины, у которыхъ кулачество не совмѣщается съ ихъ натурою, которымъ снять крестъ съ сосѣда противно, не видя возможности въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они находятся, стать на ноги, а вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя въ себѣ къ тому силу, стараются уйти отъ зла, уйти отъ земли, за которую ихъ отцы и они сами 31 годъ платили, которую они почти выкупили, ищутъ выхода въ переселеніи, хотятъ попытать счастья тамъ, гдѣ жить вольнѣе. Инициатива къ переселенію никогда не идетъ отъ голытьбы; починъ въ этомъ дѣлѣ всегда принадлежитъ не бѣднякамъ, но предпріимчивымъ людямъ. И только тогда, когда этихъ людей въ селѣ или деревнѣ является нѣсколько человѣкъ, къ нимъ пристраиваются и становятся подъ ихъ покровительство ихъ бѣдные родственники. Иногда въ рѣдкихъ случаяхъ, въ силу стадности массы, за ними идутъ тѣ, которымъ и здѣсь терять нечего. Идя на встрѣчу полнѣйшей неизвѣстности, эти люди просто говорятъ, что хуже того, что тутъ есть, нигдѣ не будетъ, и они бѣгутъ отъ той общины, которая долженствовала ихъ гарантировать отъ состоянія полнѣйшихъ пролетаріевъ, въ которомъ они находятся. Община должна была быть средствомъ, предохраняющимъ отъ развитія земельнаго пролетаріата. Выполнила ли она эту задачу? Можно съ увѣ-

ренностью сказать на это, что не только она отъ такого явленія не предохранила своихъ сочленовъ, но она-то главнымъ образомъ, и развила это явленіе, поставивши своихъ членовъ въ такія условія земледѣлія, которыя порождали съ одной стороны земельныхъ хищниковъ, а съ другой стороны дѣлали пролетаріями тѣхъ, кто становился жертвами хищенія. Община дала возможность къ учрежденію круговой поруки, какъ средства, обезпечивающаго исправное поступленіе податей и вызывающее поддержку слабыхъ сильными. Этимъ путемъ долженъ былъ остановиться сельскій пролетаріатъ. Такъ было въ идеѣ. На дѣлѣ вышло совсѣмъ обратное. Никогда ни одинъ сильный членъ общины не заплатилъ за слабаго ни копѣйки. На круговую поруку указываютъ обыкновенно, какъ на гнетъ для богатаго крестьянина, гнетъ, мѣшающій подъему благосостоянія способныхъ и даровитыхъ членовъ общины, но это вполнѣ невѣрно: на дѣлѣ, круговая порука — это страшное орудіе въ рукахъ богатаго противъ бѣднаго. До сихъ поръ всѣ усилія правительства были направлены только къ тому, чтобы гарантировать крестьянина отъ разоренія при предъявленныхъ къ нему гражданскихъ взысканіяхъ частныхъ лицъ; тутъ строго указывается, что можно продать у крестьянина и что нельзя. Но по отношенію къ мірскимъ взысканіямъ, эти мѣры не имѣютъ мѣста. Міръ является всегда самымъ немилостивымъ, самымъ жестокимъ сборщикомъ податей. Круговая порука, заставляя каждаго помнить, что если онъ съ бѣдняка не выжметъ, то самъ долженъ за него заплатить, дѣлаетъ міръ безпощаднымъ. При такихъ взысканіяхъ міръ, пользуясь своимъ правомъ, не только продаетъ всю движимость, посѣвъ и постройки неисправнаго плательщика, но отбираетъ отъ него и надѣлъ. При этихъ продажахъ все

идетъ за безцѣнокъ, и это-то, главнымъ образомъ, и разоряетъ безденежнаго. Не столько бѣднякъ разоряется отъ того, что его заставятъ заплатить за то, что онъ долженъ, сколько отъ того, что при этомъ онъ лишается имущества, которое стоитъ втрое, вчетверо, иногда въ десятеро дороже того, за сколько оно продается. И міръ остается нѣмымъ, хладнокровнымъ свидѣтелемъ этого и вполнѣ безучастнымъ къ такому явленію общины. Разореніе богатаго въ цѣляхъ покрыть неисправность взносовъ бѣднаго — примѣръ небывалый. Собственно говоря, никогда, по народному выраженію, не выбиваетъ податей исправникъ или становой приставъ, по крайней мѣрѣ это случай весьма рѣдкій, — выбиваетъ эти подати самъ міръ. Исправникъ или становой приставъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, ограничивается только заявленіемъ, что если къ такому-то дню извѣстная сумма не будетъ ему представлена, то онъ пріѣдетъ и, на основаніи круговой поруки, опишетъ все то, что найдетъ описать у богатыхъ и бѣдныхъ, безразлично. Осуществить ему свою угрозу почти никогда не приходится — деньги выбиваетъ самъ міръ; при этомъ, понятно, богатые никогда за бѣдныхъ не платятъ, они только увеличиваютъ контингентъ разоренныхъ. Накопленіе недоимокъ въ сущности выражаетъ собою только степень снисходительности администраціи не къ общинѣ, а къ бѣдности отдѣльныхъ членовъ. Община всегда была бы въ состояніи заплатить всѣ недоимки, — отвѣчай въ дѣйствительности богатые за бѣдныхъ. Въ зависимости отъ этого стоитъ и болѣе быстрое и до нѣкоторой степени задержанное увеличеніе пролетаріата. Не только сама община, въ своемъ вѣковомъ сознаніи пользы общиннаго землевладѣнія, не видитъ въ такомъ явленіи зла, но правительство, ограждая крестьянина отъ разоре-

нія его частными людьми, никакихъ мѣръ не принимало къ тому, чтобы сама община не плодила въ свой средѣ пролетаріевъ. И пролетаріатъ въ деревнѣ съ каждымъ годомъ растетъ и растетъ. Сторонники общины закрываютъ на это глаза и утѣшаются мыслью, что на бумагѣ безземельныхъ крестьянъ нѣтъ. Это грустное заблужденіе. На бумагѣ ихъ нѣтъ, но на дѣлѣ ихъ много, много такихъ, которые, имѣя надѣлы, никогда ихъ не пашутъ, а надѣлы эти всегда въ пользованіи другихъ. Ужъ одно то, что процентъ безлошадныхъ съ каждымъ годомъ растетъ въ деревнѣ, доказываетъ это, какъ нельзя красноречивѣе: безлошадный крестьянинъ уже не пахарь. Теперь куда такому пролетарію дѣваться? Что онъ можетъ предпринять, чтобы хоть свой личный трудъ наилучшимъ образомъ использовать? И тутъ онъ связанъ по рукамъ и ногамъ. Никуда онъ отъ своего земельнаго надѣла уйти не можетъ и обреченъ быть батракомъ своихъ богатыхъ собратовъ по общинѣ — это ихъ крѣпостной, если онъ честенъ, или это воръ, если онъ безчестенъ. Даже для крупнаго землевладѣнія пролетарій не работникъ, и со стороны тѣхъ землевладѣльцевъ, которые видятъ въ бѣдности окружающаго ихъ населенія источникъ къ своему обогащенію — это крупное недомысліе. Правда, поденная плата этимъ понижается, но если счесть, что теряетъ владѣлецъ на неисполненіи оплаченныхъ сдѣлокъ, на дурной и несвоевременной работѣ, на необходимости ежегодно увеличивать свой живой и мертвый инвентарь, всегда стоющій дороже наемнаго труда, то несомнѣнно, что помѣщику было бы гораздо выгоднѣе заплатить нѣсколько дороже поденщику, но быть обезпеченнымъ въ качествѣ и своевременности работы. Наконецъ, такое обстоятельство не можетъ не быть вопросомъ второстепеннымъ, когда идетъ рѣчь о благосо-

стояніи народномъ. Пролетаріатъ при этихъ условіяхъ неизмѣримо хуже западно-европейскаго; тамъ пролетарій, по крайней мѣрѣ, свободенъ, а у насъ онъ связанъ съ бездоходнымъ, но дорого стоющимъ надѣломъ, часто только съ именемъ надѣла. Неужели могли бы имѣть мѣсто такія явленія, если бы дѣйствительно въ народѣ жило сознаніе въ необходимости для его же блага владѣнія землею общиною; если бы въ немъ жила твердо укоренившаяся привычка связывать свое благополучіе съ благополучіемъ общества, котораго онъ членъ; если бы такая привычка была его бытовою особенностью? Почти 32 года жизни народа доказали, что этого нѣтъ и что, слѣдовательно, не грѣша передъ истиною, нельзя утверждать, что мысли эти для примѣненія ихъ къ жизни находили и находятъ основаніе въ исторіи бытовой жизни народа; это будетъ натяжкою, по крайней мѣрѣ. для того историческаго момента жизни, народа, когда онѣ вызвали учрежденіе общины въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь есть. При этомъ врядъ ли можно говорить объ отсутствіи въ настоящее время данныхъ для достаточнаго знакомства съ тѣми хозяйственными и бытовыми условіями населенія въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи, какъ объ основаніи дѣйствовать болѣе осторожно, чѣмъ того требуетъ весь ужасъ задержанія народа на пути, доведшемъ его до тѣхъ условій, въ которыхъ онъ теперь находится. Отъ устраненія этого зла вполнѣ зависитъ подъемъ благосостоянія народа или еще большее его обнищаніе въ дальнѣйшемъ будущемъ. Для всякаго, кому деревня знакома, кто близко стоялъ и стоитъ къ ней, перечисленныя явленія и ихъ причины не представятся сомнительными и для него совсѣмъ ясно, что нужны неотложныя и энергическія мѣропріятія, чтобы въ корнѣ измѣнить такой порядокъ вещей и отстранить его ужас-

Библиотека

ныя послѣдствія. И такъ, жизнь показала, что круговая порука, какъ средство уравненія благосостоянія народнаго, вызвала результаты совершенно противоположные, — она породила сельскій пролетаріатъ, а какъ средство, обезпечивающее исправное поступленіе податей, она тоже не достигла цѣли. Сбирать подати, разоряя народъ, можно бы было и безъ круговой поруки, и можно съ увѣренностью сказать, что если бы правительство желало стать на этотъ путь и дѣйствовало бы въ этомъ направленіи черезъ другого посредника, а не черезъ общину, то народъ былъ бы разоренъ меньше. Нельзя при этомъ винить и администрацію, которая de facto никогда не заставляла платить богатаго за бѣднаго. Такой способъ дѣйствій неминуемо развилъ бы соціалистическіе инстинкты массы, которые, какъ я буду имѣть способъ сказать дальше, и безъ этого ей не чужды. Какія послѣдствія могло бы имѣть развитіе такихъ инстинктовъ, этого и представлять себѣ не хочется. Если признать, что круговая порука и для правительства и для народа только вредна, то отпадаетъ и это основаніе стремиться удержать общину. Затрону еще вопросъ о томъ, что сдѣлала община въ смыслѣ ея заботъ объ общественномъ благоустройствѣ. Всякому, кто бывалъ въ деревнѣ, извѣстно, въ какомъ положеніи находятся дороги и мосты на проселкахъ. Самая улица деревни часто представляетъ собою такое болото, что его объѣзжаютъ, потому что черезъ болото проѣздъ не безопасенъ. Если деревня расположена по оврагу, то зачастую отвержки его, все болѣе и болѣе распространяясь въ длину и глубину, почти пересѣкаютъ проѣздъ по поселку и дѣлаютъ этотъ проѣздъ ночью прямо опаснымъ, а днемъ заставляютъ ѣдущаго лѣниться съ рискомъ опрокинуть возъ или самого себя, все ближе и ближе къ тому двору, къ которому овражекъ вы-

ходитъ. Всѣ изгороди общественныя находятся, и то временно, въ порядкѣ только тогда, когда онѣ ограждаютъ отъ потравы крестьянскіе посѣвы; по миновании въ нихъ надобности въ текущемъ году, онѣ растаскиваются на дрова самими членами общины. На слѣдующій годъ за общественный счетъ эти изгороди опять возобновляются. Изгороди, которыя ограждаютъ отъ потравъ сосѣднія владѣльческія земли, большею частью совсѣмъ не поддерживаются. Пруды общественные, устроенные еще въ былыя времена, какъ для водопоя, такъ и безопасности въ пожарномъ отношеніи, давно исчезли и водоемы ихъ обращаются въ овраги, которые естественно дренируютъ почву, иссушая ее и дѣлаютъ пути непроѣздными. Общественные луга заростаютъ чепыжемъ, остаются подъ болотами, забиваются скотомъ, запогаиваются конскимъ щавелемъ, чемерицею и другими сорными и вредными травами, и никому до этого тоже нѣтъ дѣла. Даже такія травы, какъ конскій щавель, напр., которыя распространяются сѣмянами, оставляются тщательно каждымъ отдѣльнымъ косцомъ на корню. Косивши, каждый бережетъ только себя, свою косу. Даже случайно скошенные стебли при уборкѣ льна, выкидываются, какъ безполезные для корма, и съ созрѣвшими сѣменами оставляются на лугу. Общественные лѣса въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ они имѣются, расчищаются и годъ отъ году по бороздкѣ, по двѣ распахиваются и уничтожаются. Отдаленныя земли иногда пустуютъ по своей отдаленности и по невозможности туда возить навозъ; естественный приростъ населенія и дѣлежи, дозволенные, вызываютъ увеличеніе количества построекъ; почти никогда община не выселитъ вновь такихъ строющихся на отдаленные участки и не дастъ имъ при этомъ извѣстныхъ льготъ, необходимыхъ при новомъ обзаведеніи,

хотя бы эти участки и представляли собою всѣ удобства къ поселенію, и останется безучастна къ тому, что вновь возведенныя постройки вредны въ пожарномъ отношеніи. И все это дѣлается на томъ основаніи, „что міръ не одинъ человѣкъ, всякаго тоже не вразумить“ и „ужъ какъ люди, такъ и я“. И земли, которыя при хорошей обработкѣ, при уходѣ за ними, были бы капиталомъ, пустуютъ, а села горятъ. Однѣ надѣльныя земли, будь онѣ правильно заселены и составляй онѣ угодья, доступныя для хозяйства, уже доставили бы значительное количество земли для стремящихся переселиться, и одно разселеніе нашихъ огромныхъ и безобразныхъ, по скученности построекъ, селъ значительно увеличило бы доходность этихъ земель, а съ этимъ вмѣстѣ подняло бы и благосостояніе ихъ владѣльцевъ. Не могутъ такъ относящіеся другъ къ другу люди въ своихъ общественныхъ дѣлахъ быть тѣми членами общины, въ которыхъ укоренилось вѣками сознаніе пользы общиннаго владѣнія землею; тѣми, бытовую особенность которыхъ составляетъ это сознаніе, проведенное въ жизнь. Было бы черезъ-чуръ грустно, просто безотрадно и безнадежно прійти къ такому убѣжденію; оно могло бы подавить вѣру въ жизненную силу русскаго народа, въ возможность его разумнаго развитія, его процвѣтанія въ будущемъ. Если же вѣка такого сознанія и бытовые особенности тутъ не при чемъ; если всѣ эти мысли были увлеченіемъ людей, отстаивающихъ общину въ настоящемъ ея видѣ; если разъ строй народной жизни, который созданъ общиною, и тѣ условія, въ которыя народъ ею поставленъ, были ошибкою, то зачѣмъ настаивать на этой ошибкѣ, зачѣмъ навязывать тому народу, который всѣми стремленіями своей жизни, всѣмъ тѣмъ, что онъ до сихъ поръ дѣлалъ, живя въ этихъ условіяхъ въ теченіи 32-хъ лѣтъ,

старается доказать, что это была ошибка, стремится быть самостоятельнымъ хозяиномъ своей собственности и имѣть возможность примѣнить къ дѣлу ту силу, которую онъ въ себѣ чувствуетъ и сознаетъ. Какія бы препятствія не ставили ему на пути, какъ бы насильно на немъ не задерживали, поступательное движеніе развитія народа его обходитъ, и та волна народнаго разума, которая несетъ его впередъ, гонима все тѣмъ же вѣтромъ, все бьетъ объ тотъ-же молъ, который ей противопоставляютъ, силясь или смыть его, или плеснуть черезъ край. Такой образъ дѣйствій никому не выгоденъ. Народъ бѣднѣетъ годъ отъ году, всѣ усилія его, вся его дѣятельность направлены къ тому, чтобы безплодно бороться съ тѣми условіями, въ которыхъ его заставляютъ жить; государство отъ этого терпитъ; но тѣмъ не менѣе *голосъ народа*, во имя идеи, никому не нужной и всѣмъ вредной, какъ будто никто не слышитъ. Гдѣ же та вѣра въ народный разумъ, которая дала возможность изъ массы крѣпостной, лишенной своей воли и правъ въ теченіе вѣковъ, сдѣлать массу, способную руководить своимъ хозяйствомъ и самоуправляться? Почему-же этотъ народъ теперь сталъ глупъ во всѣхъ тѣхъ требованіяхъ, которыя онъ предъявляетъ къ жизни и къ правамъ на свою собственность. Напрасно смотрятъ на передѣлы исключительно какъ на необходимое послѣдствіе естественнаго прироста населянія, а на стремленіе къ переселенію, какъ на табунное свойство массы, увлеченной примѣромъ нѣсколькихъ неразумныхъ людей, у которыхъ бродяжничество настолько въ крови, что имъ не сидится на мѣстѣ и ихъ тянетъ инстинктивно, безсознательно куда-то вдаль. Какъ первоначальный раздѣлъ земли на членовъ общества, съ котораго современная община, какъ собственникъ, начала свою дѣятельность, замѣнившійся

впослѣдствіи передѣлами, такъ и ничѣмъ неудержимое стремленіе къ переселенію — и то, и другое, прежде всего протестъ противъ общины, противъ тѣхъ условій жизни, гдѣ каждое отдѣльное лицо искуственно связано съ другимъ и безъ воли другихъ ничего не можетъ; гдѣ всякая частная иниціатива убита непониманіемъ ея массою, массою необразованною, неразвитою, завидующею всякому успѣху, всегда живущею интересами дня и въ своихъ жизненныхъ проявленіяхъ всегда болѣе или менѣе стихійною. Никогда масса не ведетъ иниціаторовъ, а всегда они ее ведутъ. Почему въ массѣ крестьянства это должно быть наоборотъ? Это совершенно для меня непонятно. Зачѣмъ та иниціатива, которой и такъ трудно пробивать себѣ путь, благодаря неразумію массы, въ крестьянствѣ должна стоять въ полной зависимости отъ этого неразумія, закономъ обязана подчиняться ему? Этого, мнѣ кажется, не оправдаетъ никакая идея, не объяснятъ никакіе сторонники общины. Положеніе 19 Февраля 1861 г. приняло общину, какъ готовое учрежденіе, не видя возможности сразу кореннымъ образомъ измѣнить тотъ строй жизни, который оно застало, но оно принимало его, какъ временный, предвидя, что стремленіе къ самостоятельной собственности должно взять верхъ надъ этимъ строемъ. Въ этихъ видахъ оно нашло возможнымъ для отдѣльныхъ личностей, дарованія которыхъ выдѣляютъ ихъ изъ толпы и для которыхъ гнетъ общества станетъ тяжелъ, дать выходъ изъ этого положенія путемъ выкупа своего надѣла (165 ст. пол. о вык.) и до того времени, когда преобразованіе общиннаго землевладѣнія правительственными мѣрами могло бы ихъ поставить въ независимое положеніе отъ общины. Къ сожалѣнію, статья эта была отмѣнена, и нынѣшніе сторонники общины оказались гораздо болѣе

ревностными ея защитниками, чѣмъ дѣятели, создавшіе общинное землевладѣніе. Стремленія народа были предусмотрены дѣятелями 60-хъ годовъ, а нынѣшніе защитники общиннаго землевладѣнія отворачиваются отъ наличности тѣхъ явленій, которыя предусматривали прежніе дѣятели. Остается мнѣ затронуть еще вопросъ о томъ, на сколько деморализирующе повліяла община на крестьянское населеніе. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права патріархальность общиннаго строя явилась подорванною. Прежде въ этомъ строѣ для крестьянина былъ такая послѣдовательность: Богъ, Царь со своими пособниками и помѣщикъ или владѣлецъ, какъ лицо, ближе всего къ нему стоящее, непосредственно имъ руководившее. Въ семейномъ строѣ уважалось старшинство и за дѣдомъ слѣдовали отцы — сыновья и внуки. Въ этомъ строѣ явился пробѣлъ, выпалъ изъ него ближайшій, непосредственный руководитель — помѣщикъ. Замѣнить его, очевидно, надлежало какимъ-нибудь учрежденіемъ, обладающимъ не только всѣми качествами прежняго руководителя, но даже большими и не имѣющимъ его недостатковъ. Этимъ руководителемъ явилась община. Къ какимъ практическимъ результатамъ этотъ руководитель привелъ руководимыхъ въ смыслѣ общиннаго землевладѣнія и общественнаго благоустройства, я уже сказалъ. Но, кромѣ того, этотъ руководитель самъ безсознательный, не культурный, дѣйствующій инстинктивно, не могъ не дать простора инстинктамъ массы, всегда хищническимъ, неразумнымъ. Самая жизнь общины должна была неминуемо это вызвать. Авторитетъ старѣйшихъ членовъ общины и семьи при новыхъ порядкахъ не могъ не упасть: привыкши съ дѣтства къ тѣмъ порядкамъ, въ которыхъ они воспитались и выросли, они, понятное дѣло, оказались несостоятельными управлять об-

щиною. Та рутина, которою было наполнено все ихъ существованіе, ихъ полная обезличенность за время ихъ жизни не могли ихъ ввести въ рамки новаго порядка. Старикъ, уважаемый въ селѣ, не могъ мириться съ мыслью, что какой нибудь Ванька, котораго вчера онъ и за человѣка-то не считалъ, сегодня является на сходъ въ качествѣ домохозяина, наравнѣ съ нимъ говоритъ, оспариваетъ его мнѣніе, поднимаетъ его на смѣхъ. Умъ молодыхъ дѣятелей, болѣ гибкій, чѣмъ умъ стариковъ, оказывался болѣе способнымъ къ воспринятію новыхъ вѣяній, и въ общественной дѣятельоости старикамъ пришлось очень скоро уступить мѣсто молодымъ людямъ. Въ обыденной жизни Ванька товарищемъ старика стать не могъ, старикъ въ совѣтчики его ни за что бы не взялъ и, негодуя на свое безсиліе, осуждалъ новые порядки, а Ваньку продолжалъ считать пустымъ человѣкомъ, хоть и приходилось уступать ему на сходкахъ. Сначала старики негодовали, а потомъ утвердившись въ своей непреклонности, мало по малу освоились съ мыслью, что, должно быть, ихъ время прошло и что вѣрно ужъ на то воля божья, чтобы молодые умнѣе старыхъ стали; одинъ по одному они перестали ходить на сходки и посылали вмѣсто себя сыновей. Въ общественной жизни авторитетъ стариковъ былъ подорванъ — замѣнилъ ихъ молодякъ. На этомъ дѣло не могло остановиться; мало по малу, въ виду того, что и торговыя сдѣлки, и всѣ дѣла по домашнему обиходу стали обставляться новыми условіями, облекаться въ новыя формы, явились требованія закона, которыхъ прежде не было; старикамъ для успѣха въ собственныхъ дѣлахъ пришлось уступить мѣсто молодымъ людямъ и въ домашнихъ дѣлахъ. И здѣсь молодые люди приспособливались къ новымъ порядкамъ,

скорѣе стариковъ. Осталась старикамъ одна соха, но отъ нея они и сами отреклись, находя, что если сынъ и на сходъ идетъ, и на базаръ ѣдетъ, то пусть онъ ужъ и пашетъ, не ему же, старику, на сына работать. Отказавшись отъ сохи, старики стали лишнимъ ртомъ, безполезною тяжестью. Молодые дѣятели не могли не сознать своего превосходства надъ отцами и очень скоро изъ покорныхъ волѣ отца дѣтей обратились въ непризнающихъ эту волю. Ужъ не отцы приказывали сыновьямъ, а сыновья отцамъ. При такихъ отношеніяхъ дѣтей къ отцу авторитетъ отца и въ семьѣ упалъ — патріархальной семьи не стало. Рубль все больше и больше становился силою. Изъ молодыхъ дѣятелей вырабатывались мірскіе воротилы, которые все ближе и ближе стали подходить къ типу мошенниковъ, кулаковъ, ростовщиковъ и обдѣлистыхъ малыхъ — настало ихъ царство; появилась на сходкахъ водка и зачастую она-то и служитъ главнымъ основаніемъ приговоровъ и постановленій схода. Старость стала зломъ, а уваженіе къ ней и почесть замѣнились въ лучшихъ случаяхъ снисходительностью къ ней, а въ худшихъ грубостью и пренебреженіемъ, какъ къ чему-то ненужному, заѣдающему чужую жизнь, даромъ ѣдящему хлѣбъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда возмущенный старикъ выходилъ изъ терпѣнія и хотѣлъ поставить сына на мѣсто, призвать его къ порядку, сынъ обращался къ міру, а то, пожалуй, и самъ ловилъ старика за бороду, особенно, если дѣло происходило дома, не на людяхъ. Молодой жалобщикъ и міру былъ человѣкъ нужный, онъ и тамъ ворочалъ дѣлами; подумаютъ, потолкуютъ на сходѣ, да и отдѣлятъ сына отъ отца — такъ-то грѣха меньше. Вѣдь силу на сходѣ составляли тоже молодые. Сегодня отдѣлили одного, завтра другого; сегодня раздѣлили сына съ отцемъ, завтра двухъ братьевъ;

въ правахъ всѣ сравнялись. Думай каждый самъ за себя. При этихъ раздѣлахъ терпѣли, конечно, старики: приходилось имъ опять браться за соху и самимъ на себя работать; денженокъ, которыя по дѣламъ должны были быть всѣ въ наличности, не оказывалось; сынъ, тотъ зналъ, гдѣ ихъ найти, а старикъ не зналъ; у сына въ кошелькѣ онѣ и оказывались современемъ.

Церковь стала удѣломъ стариковъ. Молодымъ дѣятелямъ было не до того: имъ некогда, они въ дѣлахъ. Обходясь безъ церкви, они стали мало по малу добираться и до своихъ духовныхъ руководителей: уже батюшку не слушали съ благоговѣніемъ, а съ нимъ спорили, говорили ему ты, сокращали его доходы, накладывали на него руку. Священникамъ пришлось вступить въ борьбу за существованіе, сойти съ пьедестала и почета, стать одною изъ борющихся сторонъ. Авторитетъ и священниковъ упалъ. Въ такой послѣдовательности шла деморализація членовъ общины, а слѣдовательно и самой общины. Если бы этимъ дѣло и кончилось, то это была бы бѣда, но бѣда еще не такъ большой руки; но нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы тѣ хищническіе инстинкты, которые захватываютъ все большее и большее число отдѣльныхъ членовъ общины, не охватили бы когда нибудь и большую часть массы общины. Тогда отъ хищенія другъ друга внутри общины алчные взоры массы, воспитанной въ убѣжденіи, что „двое, трое, никакъ одинъ“ и что міръ силенъ, силенъ именно количественно, должны будутъ направляться на владѣнія сосѣднія. Слово, сказанное государемъ волостнымъ старшинамъ во время коронаціи, доказываетъ, что такое предположеніе не лишено основанія, и что были уже случаи, когда эти инстинкты охватывали массу, Было бы невѣрно сказать, что община совсѣмъ не дорога наро-

ду: если бы вопросъ о томъ, быть или не быть общинѣ, предоставить рѣшить крестьянскимъ сходомъ, массѣ крестьянства, то онъ навѣрное былъ бы рѣшенъ въ пользу оставленія общины. Но чѣмъ дорога община народу? Поговорите съ каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ объ отдѣльныхъ явленіяхъ жизни общины, мною перечисленныхъ, каждый изъ нихъ подтвердитъ сказанное мною, сознаетъ зло, сознаетъ, что неразумность массы довела въ отдѣльности каждаго изъ своихъ членовъ до того положенія, на которое онъ сѣтуетъ, но въ массѣ, я увѣренъ, и онъ будетъ отстаивать общину. Въ своихъ дурныхъ проявленіяхъ община воспитала въ себѣ все-таки сознаніе той силы, которую представляетъ міръ, сознаніе, что міръ, какъ масса, не можетъ быть наказуемъ, что „міръ силенъ, что супротивъ міра ничего не подѣлаешъ“. Крестьяне сравниваютъ міръ со снопомъ. Сходство они видятъ въ томъ, что, какъ въ снопѣ можно легко сломать каждую соломинку, но нельзя сломать снопа, такъ и съ отдѣльными членами міра можно все сдѣлать, но ничего нельзя сдѣлать съ міромъ. Если община дорога крестьянству, то только въ этомъ смыслѣ. Можетъ ли входить въ цѣли правительства поддерживать въ крестьянствѣ вѣру массы въ такую силу общины; въ этомъ смыслѣ соціалистическіе инстинкты нашли себѣ почву въ общинѣ. Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что если Россіи суждено когда нибудь пережить потрясенія, вызванныя стихійными движеніями народныхъ массъ, то починъ въ этомъ дѣлѣ, вопреки примѣрамъ Западной Европы, будетъ принадлежать массѣ аграрной. Факты уже доказываютъ это. Какъ община развила въ себѣ пролетаріатъ, такъ она немедленно разоветъ и это зло. Въ суммѣ, что же сдѣлала община, какъ она оправдала оказанное ей довѣріе и возлагавшіяся на

нее надежды? Она поставила общинное владѣніе землею въ такія условія, что общиннаго въ немъ ничего не осталось, а каждаго отдѣльнаго домохозяина, по отношенію къ пользованію имъ общинною землею, въ такія, въ которыхъ никакая культура, никакая хорошая обработка земли невозможны; она такимъ отношеніемъ къ дѣлу укрѣпила трехпольную систему сѣвооборота, при которой, третья часть надѣльныхъ земель остается непроизводительною; постоянными передѣлами земель она лишила возможности домохозяевъ унавоживать свои участки, а безъ унавоженія земли никакое хозяйство немыслимо; она вызвала агломерацію населенія въ огромныхъ селахъ, ежегодно горящихъ и тѣмъ обезцѣнила и сдѣлала мертвымъ капиталомъ всѣ земли, лежащія вдали отъ селеній; она содѣйствовала распространенію овраговъ, которые служатъ природными дренажами для истощенія почвы и уносятъ ея плодородный слой; она мѣшала исправленію дурныхъ луговъ и вызвала постепенное ихъ заростаніе ивнякомъ и засореніе ихъ корнями и вредными травами; она убила всякую частную иниціативу, двигающую всякое дѣло, она породила кулаковъ земельныхъ, она породила земельный пролетаріатъ и постоянно его развиваетъ; она развила преувеличенное стремленіе крестьянъ къ переселенію, ставя ихъ въ такія условія, изъ которыхъ нельзя не желать уйти; она содѣйствовала уничтоженію семьи и тѣмъ сдѣлала семейные раздѣлы необходимостью, бороться съ которой безсильны всякіе законы. Разъ что нѣтъ въ семьѣ власти, держащей порядокъ, власти, которую добровольно признаютъ всѣ члены семьи, не представляя себѣ даже возможности не подчиняться ей, то создать эту власть закономъ нельзя. Жизнь въ семьѣ, въ которой нѣтъ главы, всегда можетъ обратиться въ адъ, изъ котораго нель-

зя не бѣжать. И сколько бы ни запрещали раздѣлы—они будутъ. Не будетъ раздѣловъ оффиціальныхъ, разрѣшенныхъ, такъ будутъ фактическіе. Урегулировать отбываніе воинской повинности при наличности такихъ условій нельзя.

Отбывать эту повинность приходится тѣмъ, которые по своему фактическому семейному положенію должны бы быть льготными, такъ какъ посемейные списки никогда не находятся въ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ семейнымъ положеніемъ поименованныхъ въ нихъ лицъ. Община была причиною того, что въ деревнѣ общественное благоустройство не только отсутствуетъ, но замѣняется полнѣйшимъ неустройствомъ; она содѣйствовала паденію вѣры въ народѣ и уваженія къ церкви; она создала въ народѣ увѣренность, что, держась общины, въ массѣ онъ неуязвимъ и ненаказуемъ въ тѣхъ правонарушеніяхъ, которыя онъ себѣ позволяетъ по отношенію къ чужой собственности. Этимъ она внушила массѣ понятія, что въ этомъ смыслѣ міръ силенъ. Она уже проявила зачатки аграрныхъ безпорядковъ. Вотъ что за 32 года жизни сдѣлала община. Неужели этого ряда доказательствъ ея полнѣйшей несостоятельности руководить жизнью народа — мало? Неужели въ угоду защитникамъ общины нужно больше растить ихъ дѣтище и ждать дальнѣйшихъ доказательствъ того зла, которое она еще можетъ сдѣлать?

Я не могу раздѣлить того мнѣнія, что „землевладѣніе общественное имѣетъ всѣ преимущества крупной, поземельной собственности передъ мелкой, особенно съ точки зрѣнія большей устойчивости въ области большаго мѣноваго и кредитнаго оборота“ и что оно „заслуживаетъ безусловнаго предпочтенія и поддержки со стороны правительства, какъ установливающее постоянство земельнаго

фонда, обезпечивающаго бытъ и податную силу крестьянъ". Не раздѣляю я этого мнѣнія потому, что фактически собственникомъ земли является не община, а отдѣльные ея члены. Право собственности общины на общественную землю на дѣлѣ до сихъ поръ выражалось только тѣмъ, что она распредѣляла эту собственность между отдѣльными своими членами и выравнивала отдѣльные участки постоянными передѣлами земли. Тѣмъ самымъ она лишала отдѣльныхъ своихъ членовъ тѣхъ преимуществъ частнаго землевладѣнія, которыя обезпечиваютъ его успѣхъ. Въ дѣйствительности общественная земля представляетъ собою конгломератъ участковъ частнаго землевладѣнія, не имѣющихъ правъ и преимуществъ таковаго. Такое положеніе дѣла врядъ ли обезпечиваетъ постоянство земельнаго фонда, обезпечивающее бытъ и платежную силу населенія; обезцѣнивая каждый участокъ въ отдѣльности, оно не можетъ не обезцѣнивать и общее количество земли, составляющееся изъ этихъ участковъ. Возрастаніе недоимокъ, увеличеніе процента безлошадныхъ, постоянное возрастаніе сельскаго пролетаріата, неимѣніе никакихъ запасовъ у населенія, какъ доказалъ это прошлый неурожайный годъ — все это факты, которые краснорѣчиво поддерживаютъ и доказываютъ основательность такого мнѣнія. Въ виду того, что Министерство Воутреннихъ Дѣлъ не даетъ никакихъ статистическихъ данныхъ, тогда какъ оно одно можетъ ими обладать, мнѣ приходится обосновывать свои возраженія только на личномъ опытѣ и знакомствѣ съ бытомъ и благосостояніемъ крестьянъ, пользуясь при этомъ тѣмъ, что даетъ литература, и тѣми свѣденіями, которыя удается почерпнуть изъ разговоровъ съ людьми мѣстными, компетенція которыхъ въ этомъ дѣлѣ стоитъ для меня внѣ всякаго сомнѣнія. Это обстоятельство вы-

нуждаетъ меня главнымъ образомъ говорить только о средней и черноземной полосѣ Россіи, какъ наиболѣе мнѣ знакомой. Врядъ ли подворное владѣніе на правахъ маіората или минората будетъ менѣе устойчиво, въ области мѣнового и кредитнаго оборота; а потому такой аргументъ въ пользу формы общиннаго землевладѣнія для меня теряетъ значеніе.

Подворное владѣніе при условіи установленія minimum'а участковъ, обезпечивающихъ благосостояніе крестьянина и его платежеспособность, на правахъ маіората или минората безразлично, обусловливающихъ недѣлимость участковъ и лишающихъ ихъ владѣльцевъ права закладывать и продавать ихъ, не можетъ вызвать черезполосицы; современные же передѣлы земли неминуемо ее вызываютъ, такъ какъ никогда передѣлы не дѣлаются съ цѣлью устранить черезполосицу и не представляютъ къ тому средства; вызываетъ передѣлы приростъ народонаселенія, а передѣлы вызываютъ дробленіе земли на полосы, какъ на единственное средство сравненія надѣловъ по качеству земли и разстоянію отъ села, а слѣдовательно и черезполосицу. Такимъ образомъ передѣлы никакъ не могутъ служить коррективомъ вреда, который присущъ дробности участковъ, такъ какъ передѣлы вызываютъ это явленіе. Если есть опасность отъ уничтоженія передѣловъ, то это въ томъ смыслѣ, что приростъ народонаселенія, не попавшій въ послѣдній передѣлъ, остается безземельнымъ и прикрѣпощеннымъ къ общинѣ. Установленіе 12-ти лѣтняго срока, какъ минимальнаго, въ теченіе котораго передѣлы будутъ запрещены, вызоветъ тоже явленіе, но только на 12 лѣтъ, а не навсегда. Единственное средство избѣжать обезземеленія крестьянъ, сохраняя при этомъ ихъ платежеспособность и ихъ личное благосостояніе, это пе-

реселеніе избытка и разрѣшеніе ему перехода въ другое сословіе, по его усмотрѣнію. Избыткомъ при этомъ нужно будетъ признавать весь тотъ контингентъ, который будетъ превышать общее число минимальныхъ надѣловъ недѣлимыхъ, непродаваемыхъ, незакладываемыхъ. Предпочтеніе въ правѣ остаться на мѣстѣ должно быть дано тѣмъ, которые дольше несли выкупной налогъ. Я, по крайней мѣрѣ, не вижу другого выхода. Оставленіе передѣловъ въ силѣ вызоветъ общее обнищаніе всѣхъ членовъ общества, такъ какъ при этомъ неминуемо, теперь-ли, впослѣдствіи ли, надѣлъ на душу долженъ будетъ перейти передѣлы минимальнаго и, слѣдовательно, не будетъ обезпечивать крестьянина, и уничтоженіе передѣловъ вызоветъ увеличеніе количества безземельныхъ крестьянъ, связанныхъ съ общиною и тоже нищихъ. Мнѣ кажется, что осуществленіе этихъ мѣръ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ томъ является необходимость, не представитъ особыхъ затрудненій; но, если-бы и такъ, то одна трудность къ ихъ осуществленію не можетъ служить основаніемъ къ ихъ отстраненію. Напротивъ, чѣмъ дѣло труднѣе, чѣмъ больше оно потребуетъ времени для того, чтобы провести его въ жизнь, тѣмъ болѣе это должно служить основаніемъ приняться за него немедленно, не теряя времени. Нѣтъ надобности сразу въ корень измѣнить во всей Россіи существующій способъ землевладѣнія; это должно сдѣлать постепенно, начавъ съ тѣхъ губерній и даже уѣздовъ, которые въ этомъ нуждаются. При этомъ опытъ, за неимѣніемъ другихъ данныхъ въ рукахъ Министерства Внутренныхъ Дѣлъ, будетъ служить лучшимъ руководителемъ для дальнѣйшаго развитія этого дѣла. Опредѣленіе минимальнаго надѣла, удовлетворяющаго вышесказаннымъ требованіямъ, можетъ быть поручено сельскимъ сходамъ при участіи Земскаго Началь-

нка и мѣстнымъ уѣзднымъ и губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ. Имѣя этотъ матеріалъ въ своихъ рукахъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ будетъ въ состояніи вывесть свое заключеніе, болѣе или менѣе вѣрное, для каждой данной мѣстности. Безусловно вѣрно, разъ на всегда, этотъ вопросъ никогда и ни при какихъ данныхъ для далекаго будущаго разрѣшенъ быть не можетъ, поправки всегда будутъ нужны. Но одно это обстоятельство не можетъ служить основаніемъ терпѣть зло въ настоящемъ, такъ какъ это неминуемо отразится и на будущемъ. Переселенческій вопросъ мнѣ тоже не представляется особенно затруднительнымъ и не потребуетъ особенныхъ затратъ и жертвъ со стороны правительства. Если взять въ соображеніе ту массу земель, которыми вѣдаетъ Министерство Государственныхъ Имуществъ, не дающихъ никакого дохода или дающихъ доходы въ нѣсколько копѣекъ съ десятины, то всѣ эти земли могутъ служить фондомъ для переселенцевъ. Давши эти земли даже даромъ переселенцамъ, земли эти будутъ вызваны къ жизни и однѣми податями дадутъ болѣе дохода, чѣмъ онѣ теперь даютъ. Люди, поселенные на этихъ земляхъ, будутъ матеріально обезпечены и будутъ платить государству, тогда какъ теперь они ничего не платятъ. Съ уничтоженіемъ подушныхъ налоговъ всѣ платежи перешли на землю, которая и послѣ переселенія извѣстнаго количества населенія, будетъ платить тоже, что она теперь платитъ; то, что заплатятъ переселенцы, это будетъ плюсъ. Но, если бы, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, даровое надѣленіе земель было признано неудобнымъ, то во всякомъ случаѣ справедливо будетъ взять съ переселенцевъ за землю только ту сумму, которая будетъ вычислена изъ капитализаціи чистой доходности этой земли за послѣдніе

10 лѣтъ, капитализируя доходность изъ 4 %. т. е. изъ того дохода, который даютъ бумаги. Больше этого, казалось бы, нѣтъ основаній съ нихъ требовать, а эту сумму, присоединивъ къ ней доходность этихъ земель за тѣ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ переселенцы не будутъ платить никакихъ налоговъ, пока не устроятся и не обзаведутся хозяйствомъ, разсроченную на года, переселенцы легко заплатятъ.

Остаются расходы на переѣздъ и обзаведеніе. Расходы на переѣзды могутъ быть понижены до minimum'а уменьшеніемъ провозной платы по желѣзнымъ дорогамъ и пароходнымъ сообщеніямъ, а расходы на обзаведеніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть лѣсъ, тоже не составятъ крупныхъ суммъ. Такъ какъ переселеніе должно быть не вынужденное, а по желанію переселяющихся, то большая часть изъ нихъ, ликвидировавши свое хозяйство настоящее, большихъ субсидій и не потребуетъ. Во всякомъ случаѣ, ссуда эта, разсроченная на года, при уплатѣ на нее 4 % роста, уплатится переселенцами легко.

Мѣры эти, несомнѣнно, потребуютъ несравненно меньшихъ затратъ, чѣмъ тѣ, которыя нужны для дѣятельности Крестьянскаго Банка, и, конечно, вполнѣ исчерпаютъ, при болѣе благопріятныхъ результатахъ, тѣ цѣли, которымъ служитъ это учрежденіе. Кстати сказать, это учрежденіе тоже старалось покровительствовать покупкѣ обществами и всего охотнѣе и легче оно давало ссуду обществамъ, затѣмъ товариществамъ и труднѣе всего давало ссуду отдѣльнымъ лицамъ. Послѣдній отчетъ крестьянскаго банка показываетъ, что изъ земель, оставшихся за банкомъ за неплатежемъ установленныхъ срочныхъ взносовъ, наибольшій процентъ падаетъ на покупки земель обществами, сравнительно малый процентъ—на покупки земли

товариществами и почти не было случаевъ отобранія банкомъ земли у отдѣльныхъ лицъ. Это явленіе весьма характерно и неминуемо наводитъ на мысль, что тамъ, гдѣ нельзя было искуственно поддержать общинное землевладѣніе, вся его несостоятельность не замедлила обнаружиться.

На новыхъ мѣстахъ переселенцевъ можно будетъ селить небольшими хуторами. Это дастъ возможность ввести тамъ сразу подворное владѣніе, которое легко будетъ пріурочить каждому домохозяину отдѣльно, избѣгая тѣмъ самымъ черезполосность, а при установленіи недѣлимости участковъ, и ихъ дробленіе. Такимъ образомъ будетъ готовый опытъ для преобразованія землевладѣнія въ тѣхъ губерніяхъ, когда дойдетъ до нихъ чередъ.

Какъ я понимаю дѣло, общинное землевладѣніе и круговая порука постепенно, начиная съ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они болѣе всего стѣснительны и вредны, должны быть упразднены. Это есть главная цѣль, къ которой надо идти и идти безотлагательно. Я настолько ясно вижу необходимость въ безотлагательныхъ мѣропріятіяхъ въ этомъ направленіи, что, далеко не раздѣляя мнѣнія, что все зло общиннаго землевладѣнія заключается въ земельныхъ передѣлахъи видя въ передѣлахъ только одно изъ необходимыхъ и неизбѣжныхъ проявленій зла, тѣмъ не менѣе готовъ согласиться на ограниченіе ихъ 12-тилѣтнимъ срокомъ. Въ моихъ понятіяхъ эта мѣра неминуемо вызоветъ дальнѣйшія мѣропріятія, которыя, я увѣренъ, если и отойдутъ отъ того пути, который я намѣчаю, то не надолго и не на много. Въ этомъ смыслѣ для начала дѣлать лучше это, чѣмъ откладывать рѣшеніе на неопредѣленное время.Я ограничиваюсь краткимъ перечнемъ тѣхъ мѣръ, которыя я считаю нужными и возможными для устраненія

неурядицы крестьянскаго землевладѣнія и не вдаюсь въ детали въ той надеждѣ, что своевременно буду имѣть возможность высказаться, если Министерство Внутреннихъ Дѣлъ придетъ къ убѣжденію, что всѣ усилія его должны быть направлены къ постепенному уничтоженію не общины, а общиннаго землевладѣнія и, дѣйствуя въ этомъ направленіи, будетъ разрабатывать проектъ для того, чтобы провести это убѣжденіе въ жизнь.

Подписалъ: Графъ Воронцевъ-Дашковъ.

Соображенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ по поводу полученнаго заключенія Воронцова-Дашкова.

Въ отзывѣ своемъ Графъ Воронцовъ-Дашковъ исходитъ изъ высказанной имъ уже раньше (по поводу проекта правилъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель) мысли о томъ, что общинное землевладѣніе является главнымъ, если не единственнымъ источникомъ всѣхъ тѣхъ неурядицъ, въ области крестьянскаго хозяйства, съ которыми приходится считаться въ настоящее время. На сей разъ, развивая эту мысль и обосновывая ее подробными соображеніями, Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ объясняетъ, что вредъ общиннаго землевладѣнія далеко не исчерпывается земельнымн передѣлами, которые составляютъ только одно изъ необходимыхъ и неизбѣжныхъ проявленій зла, а кроется не только въ самомъ началѣ мірскаго владѣнія, но еще болѣе того вообще въ мірской солидарности — въ господствѣ міра надъ личностью во всѣхъ проявленіяхъ крестьянской жизни — семейныхъ, бытовыхъ, хозяйственныхъ и общественныхъ. Такимъ образомъ, единственной мѣрой, способной уничтожить существующее зло, при томъ мѣрой настоятельно необходимой, слѣдуетъ признать совершенное упраздненіе общиннаго землевладѣнія и вызванной имъ круговой поруки и немедленный переходъ къ частному землевладѣнію — къ мелкой поземельной собственности, построенной на обязательномъ введеніи недѣлимаго семейнаго участка, опредѣленнаго

извѣстной минимальной нормой и неподлежащаго отчужденію, съ установленіемъ наслѣдованія на началахъ маіората, или минората. Выполненіе этой задачи, даже и при недостаткѣ данныхъ, необходимыхъ для установленія нормы минимальнаго участка, не можетъ встрѣтить затрудненій, такъ какъ, по мнѣнію Гр. Воронцова-Дашкова, вопросъ этотъ вообще не допускаетъ безусловно-вѣрнаго разъ навсегда разрѣшенія ни при какихъ данныхъ, а доступное, болѣе или менѣе вѣрное разрѣшеніе его вполнѣ возможно для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ путемъ собранія всего нужнаго матеріала черезъ посредство сельскихъ сходовъ при участіи земскихъ начальниковъ и мѣстныхъ уѣздныхъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. Данными этого рода можно удовлетвориться, если рѣшенію вопроса на сихъ основаніяхъ придавать значеніе временное, подлежащее за симъ поправкамъ. При этомъ нѣтъ и надобности сразу въ корень измѣнить во всей Россіи существующій способъ землевладѣнія на указанныхъ основаніяхъ, а должно это дѣлать постепенно, начавъ съ тѣхъ губерній и уѣздовъ, которые въ томъ наиболѣе нуждаются и лишь впослѣдствіи расширить область преобразованія, руководствуясь пріобрѣтеннымъ опытомъ. Что касается имѣющаго образоваться при такихъ условіяхъ избытка безземельнаго населенія, то онъ можетъ быть удаленъ на имѣющіяся въ вѣденіи Министерства Государственныхъ Имуществъ въ изобиліи казенныя земли, на которыхъ населеніе это можетъ быть устроено къ обоюдной выгодѣ своей и государственной. Эта мѣра не потребуетъ значительныхъ расходовъ — во всякомъ случаѣ вызоветъ несравненно меньшіе расходы, чѣмъ тѣ, которые нужны для дѣятельности Крестьянскаго Банка. Затѣмъ, на новыхъ мѣстахъ, переселенцевъ можно бу-

детъ селить хуторами, обезпечивая этимъ возможность сразу ввести тамъ землевладѣніе подворное съ установленіемъ недѣлимыхъ и пріуроченныхъ къ одному мѣсту участковъ — мѣры, которыя дадутъ между прочимъ готовый опытъ для поземельной реформы въ другихъ губерніяхъ, когда дойдетъ до нихъ очередь, Высказывая въ заключеніе убѣжденіе въ цѣлесообразности такого пути необходимыхъ преобразованій, Министръ Императорскаго двора и Удѣловъ прибавляетъ, что это убѣжденіе въ немъ настолько сильно, что, не раздѣляя даже мнѣнія, будто все зло общиннаго землевладѣнія выражается въ земельныхъ передѣлахъ и, видя въ нихъ только одно изъ необходимыхъ проявленій зла, — онъ тѣмъ не менѣе готовъ согласиться на ограниченіе ихъ 12-тилѣтнимъ срокомъ, въ полной увѣренности, что эта мѣра неминуемо вызоветъ дальнѣйшія мѣропріятія, которыя лишь немного и не надолго могутъ уклониться отъ указаннаго имъ пути.

Изъ сопоставленія приведенныхъ сужденій Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ съ соображеніями, изложенными въ запискѣ моей по проекту правилъ о земельныхъ передѣлахъ, нельзя не усмотрѣть, что намѣчаемая этими сужденіями програма преобразованія существующаго строя крестьянскаго землевладѣнія не только была у меня въ виду при составленіи записки, но въ ней именно указана въ смыслѣ того направленія, въ какомъ, по моему мнѣнію, желательно было бы видѣть дальнѣйшее развитіе этого землевладѣнія. Принимая, согласно высказаннымъ въ этой запискѣ сужденіямъ, за исходныя основанія такого пути окончательное прекращеніе земельныхъ передѣловъ и установленіе недѣлимыхъ семейныхъ участковъ съ системой наслѣдованія на началахъ маіората или минората, Гр. Воронцовъ-Дашковъ не соглашается повидимому

лишь съ сохраненіемъ за обществомъ даже права собственности на землю, тогда какъ я, съ своей стороны, указывалъ на важное значеніе примѣненія къ мелкому крестьянскому землевладѣнію начала крупной поземельной собственности — между прочимъ и съ точки зрѣнія заботы о большей устойчивости въ области мѣноваго и кредитнаго оборота (стр. 19 записки).

Съ своей стороны, не останавливаясь вовсе на другихъ моихъ соображеніяхъ въ пользу сохраненія общественной собственности на крестьянскія земли, Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ возражаетъ лишь противъ этого довода указаніемъ, что „подворное владѣніе на правахъ маіората или минората врядъ ли будетъ менѣе устойчиво въ приведенномъ отношеніи“. Возникающее отсюда разномысліе могло бы имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если бы я съ своей стороны признавалъ своевременнымъ нынѣ же ставить на очередь вопросъ о преобразованіи крестьянскаго землевладѣнія на изъясненныхъ началахъ, но, оставаясь и нынѣ при прежнемъ мнѣніи, что подобная реформа, какъ бы ни была она сама по себѣ цѣлесообразна, можетъ быть дѣломъ только будущаго, я считаю лишнимъ останавливаться на этомъ разногласіи, тѣмъ болѣе, что оно затрагиваетъ вопросъ немалой сложности и существенно спеціальнаго характера*)

---

*) Неизлишнимъ однако будетъ привести, въ поясненіе высказанныхъ въ запискѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ соображеній по этому вопросу, относящееся къ нему сужденіе К. Побѣдоносцева. Доказывая, что установленныя нашимъ законодательствомъ условія выхода изъ общиннаго землевладѣнія отдѣльныхъ членовъ (не только по 195 ст. Пол. о выкупѣ, но даже и съ согласія сельскаго схода) вызываютъ существенныя

Разногласіе, на которомъ здѣсь необходимо остановиться, вытекаетъ изъ различнаго взгляда не на подробности указаннаго преобразованія, а на вопросъ о своевременности постановки его на очередь. Въ этомъ отношеніи я не могу признать себя убѣжденнымъ соображеніями, высказанными въ отзывѣ Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ въ пользу необходимости и возможности немедленнаго осуществленія упомянутаго преобразованія. Всѣ затрудненія, связанныя съ его осуществленіемъ, съ достаточной подробностью указаны уже въ моей запискѣ и остаются, по моему мнѣнію, непоколебленными сужденіями, заключающимися въ отзывѣ Гр. Воронцова-Дашкова. Полагая, что какъ въ запискѣ моей, такъ и въ этомъ отзывѣ мнѣнія за и противъ возможности немедленнаго преобразованія крестьянскаго землевладѣнія на сихъ началахъ изложены съ такою подробностью, что для рѣшенія вопроса Государственный Совѣтъ будетъ располагать достаточными данными, позволяю себѣ не возвращаться къ доводамъ, мною уже разъ высказаннымъ.

Въ дополненіе къ нимъ я считаю лишь долгомъ объяснить, что, отмѣтивъ основныя начала, отстаиваемаго нынѣ Министромъ Императорскаго Двора и удѣловъ преобразованія и, признавъ ихъ желательными въ будущемъ ходѣ развитія крестьянскаго землевладѣнія, я конечно охотно допустилъ бы убѣдить себя въ возможности скораго обращенія его на указанный мною путь. Этому препятствуетъ однако полная для меня невозможность раздѣлить тѣ исходныя основанія, которыя привели Министра Импе-

---

опасенія, онъ высказываетъ между прочимъ слѣдующія соображенія: „едва ли благоразумно поступитъ законодатель и т. д. (см. Курсъ гражданскаго Права, часть I, изд. 3-ье, страница 357 и слѣд).

раторскаго Двора и Удѣловъ къ убѣжденію объ отсутствіи какихъ бы то ни было затрудненій къ немедленному осуществленію упомянутой поземельной реформы. Такое убѣжденіе вытекаетъ изъ подробно развиваемаго въ отзывѣ Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ взгляда, что общинное землевладѣніе, вопреки мнѣнію его приверженцевъ, не представляетъ вовсе явленія, подготовленнаго предшествующимъ историческимъ ходомъ развитія нашего отечества, а составляетъ всецѣло результатъ „одной изъ ряда капитальныхъ реформъ 60-хъ годовъ, создавшихъ эпоху въ жизни Россіи“ и слѣдовательно неспособно было настолько укорениться въ крестьянскомъ населеніи, чтобы оправдать излишне осторожное отношеніе къ нему со стороны законодательства. Съ другой стороны, мнѣнію о сложности упомянутаго преобразованія и о неимѣніи достаточныхъ данныхъ для его проведенія, разсматриваемый отзывъ, на ряду съ увѣренностью въ невозможности разъ на всегда разрѣшить этотъ вопросъ при какихъ бы то ни было данныхъ, противопоставляетъ мысль о цѣлесообразности и даже необходимости постепеннаго осуществленія преобразованія, начиная съ нѣкоторыхъ только губерній и въ видѣ опыта, по указаніямъ котораго могли бы быть сдѣланы всѣ нужныя поправки.

Нельзя не признать, что заключеніе Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ о легкости осуществленія указаннаго преобразованія вполнѣ отвѣчаетъ приведеннымъ исходнымъ основаніямъ своимъ и, что при такомъ взглядѣ на историческое происхожденіе общиннаго землевладѣнія и на пріемы проведенія обсуждаемыхъ законодательныхъ мѣропріятій, всѣ затрудненія къ немедленному выполненію ихъ слѣдовало бы считать совершенно устраненными. Но почитая себя въ правѣ послѣ всего высказаннаго мной объ

общинномъ землевладѣніи не причислять себя къ тѣмъ сторонникамъ его, противъ которыхъ направлены приведенныя сужденія и не обязываясь посему опровергать усвоенной Министромъ Императорскаго Двора и Удѣловъ точки зрѣнія на историческое происхожденіе общиннаго землевладѣнія, я тѣмъ не менѣе поставляю долгомъ заявить, что съ подобнымъ на него взглядомъ я затрудняюсь согласиться. Мнѣніе о пользѣ или вредѣ общиннаго землевладѣнія могутъ быть конечно совершенно различны, но каковъ бы не былъ взглядъ на значеніе этой формы землевладѣнія, какъ бы спорнымъ не представлялся затѣмъ и вопросъ о началѣ и формахъ историческаго его развитія, самый фактъ наличности у него твердыхъ основаній въ далекомъ прошломъ оставался доселѣ внѣ спора и сомнѣній, и предпринятая нынѣ Министерствомъ Императорскаго Двора и Удѣловъ задача опроверженія его едва ли можетъ считаться выполнимой. *)

---

*) Доказательства разсматриваемаго отзыва построены на томъ положеніи, что общинное землевладѣніе очевидно будто бы не могло сложиться ни въ періодъ, предшествовавшій прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ, ни при крѣпостномъ правѣ, когда крестьяне сами были объектами права — выводъ прилагаемый и къ крестьянамъ государственнымъ и удѣльнымъ, которые, по мнѣнію Министерства Императорскаго Двора и Удѣловъ, въ сущности были тѣми-же крѣпостными—казны и удѣловъ. Не говоря однако о неточности послѣдняго утвержденія, нельзя не замѣтить, что въ основѣ всей этой организаціи лежитъ недостаточное различеніе понятій владѣнія и собственности. Несомнѣнно, конечно, что ни одинъ изъ разрядовъ крестьянъ не имѣлъ въ прежнее время правъ собственности на надѣльныя земли. На столь же безспорно и то, что владѣніе землею, общественное или общинное, какъ бы его не называть,

Какъ бы то ни было, впрочемъ, считая излишнимъ дальнѣйшее обсужденіе этого вопроса, которое по праву принадлежитъ наукѣ, я обязываюсь лишь объяснить, что въ этомъ отношеніи я исходилъ изъ совершенно противоположнаго взгяда, и какъ прежде находилъ, такъ и теперь полагаю, что съ фактомъ давняго происхожденія общиннаго землевладѣнія и исторически укоренившейся привычкой къ нему населенія большей части мѣстностей Им-

---

могло сложиться и развиться даже у помѣщичьихъ крестьянъ, не говоря уже о государственныхъ и удѣльныхъ, у которыхъ оно имѣло за себя прямое законодательное признаніе и регулировалось положительнымъ закономъ. Понятно за симъ, что и господствовавшая у насъ до прикрѣпленія крестьянъ сравнительная свобода передвиженія (Юрьевъ день) отнюдь не могла служить препятствіемъ къ развитію той или другой формы владѣнія землею. Въ это время составъ владѣльцевъ подвергался, быть можетъ, частому измѣненію, при крѣпостномъ правѣ владѣніе помѣщичьихъ крестьянъ не было самостоятельнымъ также, какъ и владѣніе государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, зависѣвшее отъ правъ на землю казны и удѣловъ, но все это не могло служить препятствіемъ къ возниктовенію и развитію общиннаго землевладѣнія. Иначе вѣдь пришлось бы отвергать самое существованіе общиннаго землевладѣнія у государственныхъ крестьянъ въ Сибири, которые и по нынѣ владѣютъ землею на основаніяхъ зависимаго владѣнія и которыхъ вовсе еще не коснулась „одна изъ капитальныхъ реформъ 60-хъ годовъ“. Въ окончательномъ результатѣ доводы Министерства Императорскаго Двора и Удѣловъ доказываютъ только то — безспорно конечно справедливое положеніе, что крестьяне всѣхъ наименованій сдѣлались собственниками земли не раньше, какъ по признаніи за ними права собственности законодательной властью.

періи законодательству необходимо считаться и что крайняя осмотрительность и осторожность отношенія къ этому явленію представляются не только оправданными, но и вполнѣ обязательными. Въ равной мѣрѣ не могу я допустить и мысли о проведеніи коренного преобразованія всего существующаго строя крестьянскаго землевладѣнія, предлагаемымъ Министромъ Императорскаго Двора и Удѣловъ путемъ — безъ предварительнаго собранія, а затѣмъ и тщательнаго изученія относящихся сюда данныхъ, въ видѣ опыта и въ расчетѣ на послѣдующее исправленіе допущенныхъ при этомъ неизбѣжныхъ ошибокъ. Не могу согласиться съ этимъ предположеніемъ не только изъ за принципіальнаго въ данномъ случаѣ различія во взглядѣ на пріемы законодательной дѣятельности, которая, по моему мнѣнію, совершенно недопускаетъ дѣйствія наугадъ и осуществленія крупныхъ аграрныхъ преобразованій въ видѣ опыта, но въ частности и потому еще, что съ своей стороны затрудняюсь понять, какимъ образомъ возможно было бы примирить опытъ созданія мелкой земельной собственности, въ приблизительно опредѣленныхъ размѣрахъ и границахъ и послѣдующее исправленіе ея въ томъ и другомъ отношеніи — съ началомъ неприкосновенности частной собственности и пріобрѣтенныхъ правъ, стоящимъ подъ одновременной охраной закона и всеобщаго признанія, и казалось бы, одинаково приложимымъ какъ къ крупному, такъ и къ мелкому землевладѣнію. Позволяю себѣ думать, что одно соображеніе о невозможности такого примиренія могло бы служить достаточнымъ доводомъ противъ предлагаемаго Министромъ Императорскаго Двора и Удѣловъ способа осуществленія обсуждаемой реформы.

Печатая вышеприведенные документы, мы не считаемъ нужнымъ подвергать ихъ критическому разбору, такъ какъ недостатки ихъ аргументаціи сами собою бросаются въ глаза всякому безпристрастному человѣку.

Мы видимъ, напримѣръ, что гр. В.-Д. винитъ русскую общину во всѣхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ бѣдствіяхъ русской жизни; и въ разрушеніи крестьянскаго хозяйства, и въ появленіи кулачества, и въ пьянствѣ, и въ распаденіи патріархальной семьи, и въ неуваженіи къ духовенству и наконецъ въ томъ, что наши дороги плохи, а мосты разваливаются; словомъ община виновна во всемъ и отвѣчаетъ за все. Достаточно, однако, только вспомнить о томъ, что наше мелкое подворное землевладѣніе, переходъ къ которому рекомендуется въ видѣ панацеи отъ всѣхъ золъ, въ настоящее время разорено нисколько не меньше общиннаго, а во многихъ

существенныхъ отношеніяхъ опустилось еще ниже его, чтобы, не говоря уже о дворянскомъ землевладѣніи, тоже далеко не процвѣтающемъ, заключить, что причина этого зла, столь общаго и одинаково поражающаго наше сельское хозяйство во всѣхъ формахъ его проявленія, лежитъ гдѣ-то внѣ общины и должна быть разыскиваема среди обстоятельствъ столь же общаго значенія, какъ и самое зло. Общественное мнѣніе давно уже нашло ее въ безконтрольномъ управленіи страною, однимъ изъ неизбѣжныхъ послѣдствій котораго и явилось всеобщее разореніе какъ общинниковъ, такъ и необщинниковъ; но гр. В. Д. обходитъ это обстоятельство, а М. Вн. Д. очень мало разногласитъ съ гр. В. Д. Въ своемъ отзывѣ на его контръ-проектъ онъ соглашается съ нимъ, что община есть зло, которое надо устранить и только не одобряетъ предложенныя имъ для этого мѣры, потому что онѣ кажутся ему слишкомъ радикальными, объясняя при этомъ, что мѣры измышленныя имъ самимъ для *упорядоченія* общины поведутъ къ той же цѣли ея уничтоженія, но съ разумной постепенностью, гораздо болѣе обезпечивающей успѣхъ. Изъ этихъ объясненій выходитъ, что проектъ, составленный М. В. Д. для упорядоченія общины есть ничто иное какъ конспирація противъ общины, при чемъ слово упорядоченіе есть только вывѣска, за которою скрывается — разрушеніе. М. В. Д. самъ сознается въ этомъ въ своемъ отзывѣ на записку М. Дв. и Удѣловъ, и вотъ между прочимъ еще одна изъ многихъ причинъ, почему переписка этихъ двухъ

сановниковъ заслуживаетъ особенное вниманіе русскаго общества и преимущественно тѣхъ членовъ его, которые не совсѣмъ еще убѣдились въ неудобствахъ порядка, при которомъ управляемые совершенно устраняются отъ участія въ тѣхъ преобразовательныхъ опытахъ, которые надъ ними совершаются.